

DOI: 10.31857/S032103910004508-1

РИТОРИЧЕСКАЯ ТОПИКА В ПОСВЯТИТЕЛЬНОМ ПОСЛАНИИ ГАЯ ЮЛИЯ СОЛИНА

Е. В. Илюшечкина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия*

E-mail: ilyushechkinae@gmail.com

В статье рассматриваются как задачи и цели компиляции Гая Юлия Солина «Собрание достопамятных вещей», так и *loci rhetorici* и риторическая техника его предисловия как в стилистическом, так и в содержательном плане, а также характеризуются энциклопедическое направление Солина по распространению и популяризации этногеографических знаний.

Ключевые слова: Гай Юлий Солин, Плиний Старший, античная этногеография, риторическая топка

RHETORICAL TOPIC IN THE PREFACE OF GAIUS IULIUS SOLINUS

Ekaterina V. Ilyushechkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

E-mail: ilyushechkinae@gmail.com

The author of the article focuses on Solinus' preface to the *Collectanea rerum memorabilium* and especially on the way its functions (stylistic, structural, rhetorical and genre-defining) are revealed against the background of the third-century rhetorical system.

Keywords: Gaius Iulius Solinus, Pliny the Elder, ancient ethnogeography, rhetorical topics

Данные об авторе. Екатерина Викторовна Илюшечкина — кандидат исторических наук, PhD (University of Groningen), доцент и старший научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС.

Благодарю Сергея Александровича Степанцова за сделанные им во время подготовки статьи к печати замечания.

В 1629 г. в Париже был издан фундаментальный труд Клода де Сомеза (латинизированное имя — Клавдий Салмазий), включавший его издание компиляции Солина и его же подробный филологический комментарий¹. Наряду с другими античными авторами Солин, привлечший внимание Салмазия, которого, в свою очередь, и Скалигер, и Казобон причисляли к выдающимся ученым XVII в.², традиционно вызывал живой интерес у читателей и издателей на протяжении многих веков³. Репутация Солина как автора оригинального произведения была подорвана позже, а именно после выхода в 1864 г. критического издания текста *Collectanea*, которое осуществил Т. Моммзен⁴.

Со временем в научной литературе сложилось мнение, что компиляция Солина вторична и не представляет особого интереса для исследования. Тем не менее хочется сказать, что сложившаяся в науке невысокая оценка произведения Солина вызывает возражения или по меньшей мере сомнения. В любом случае компиляция Солина достойна того, чтобы современные исследователи уделили ей некоторое внимание. Произведение Солина принадлежит ко все еще малоизученному пласту античной культуры, и лишь в последнее время *Collectanea* Солина начинают вызывать у исследователей-антиковедов все больший интерес.

В 2001 г. Фернандес Ньето выпустил перевод труда Солина на испанский язык, снабдив издание вступительной статьей, в которой подробно говорится о датировке, содержании и рукописной традиции текста Солина⁵. Важным событием стала проведенная по инициативе К. Бродерсена в 2014 г. конференция, посвященная труду Солина, по итогам которой был опубликован сборник докладов — практически одновременно с публикацией двуязычного издания произведения Солина⁶. Материалы этого сборника показывают, что «замалчивание» Солина во многом было обусловлено предвзятым отношением и даже некомпетентностью со стороны исследователей и что *Collectanea* Солина в качестве историко-географического

¹ Cl. Salmasii *Plinianae exercitationes in Caji Julii Solini Polyhistora: Item Caji Julii Solini Polyhistor ex veteribus libris emendatus. Accesserunt huic editioni De homonymis hyles Iatricaе exercitationes antehac ineditae, nec non De manna et saccharo*. Lutetiae Parisiorum, 1629 (Ed. secunda. Trajecti ad Rhenum, 1689).

² См., например, Bots 2018, 99–101 (прежде всего о деятельности Салмазия в Лейденском университете); van Miert 2011, 241–261 (о переписке между Скалигером и Салмазием).

³ Более 250 сохранившихся рукописей и 85 изданий компиляции Солина (Milham 1986, особ. 73, 75; Brodersen 2014b, 201–209) свидетельствуют о колоссальной популярности его произведения (ср. Milham 1986, 74: “the chief Latin geographer to a millenium”).

⁴ Mommsen 1864 (1895²). Оба заглавия труда Солина — *Collectanea rerum memorabilium* («Собрание достопамятных вещей») и *Polyhistor* («Полигистор») — сохранились благодаря так называемому второму предисловию, значительно меньшему по объему, чем первое, и встречающемуся в более поздних рукописях; подробнее о двух редакциях компиляции Солина см. Walter 1969. Выбору заглавия в античности иногда придавалось особое значение, что видно, например, из слов Геллия в связи с названием сочинения одного из риториков: «Заглавие его книги — замечательная приманка для чтения» (Gell. XVIII. 6. 3), ср. Plin. *NH*. Praef. 24–26.

⁵ Fernández Nieto 2001, 7–114.

⁶ Brodersen 2014b (сборник докладов); 2014a (двуязычное издание текста Солина, в латинской своей части основанное на издании Моммзена 1864 г. и сопровождаемое вступительной статьей Бродерсена). См. также Brodersen 2018, 87–94.

и литературного источника со всеми его особенностями вполне заслуживает того, чтобы стать предметом внимательного и непредвзятого рассмотрения⁷.

Следует особо отметить, что труд Солина относится к разновидности весьма распространенных в период Римской империи компиляций, которые не были сплошь однотипными: это могли быть труды систематизирующего характера наподобие «Естественной истории» Плиния Старшего или компиляции, составленные в виде комментариев, вроде сочинений Валерия Проба, Сервия и Доната к произведениям Вергилия. Компиляция предполагала использование чужого материала источников, ее автор не претендовал на изложение новых фактов и новых идей: он лишь стремился заинтересовать аудиторию, вписываясь в меру сил и таланта в культурный контекст времени⁸. Так, Солин, опираясь на отобранные им источники, не только творчески обработал полученную информацию в своем обзоре этногеографических знаний, но и расширил представление своих читателей об окружающем мире.

В этой статье предполагается определить место и функции предисловия Солина как жанрообразующей формы в риторической системе конца III в. (вероятная дата создания компиляции, на которой сходятся большинство исследователей)⁹. Текст предисловия Солина, написанного в форме посвяtitельного послания к его благодетелю Адвенту¹⁰, позволяет не только уточнить цели и задачи компиляции в целом, но и познакомиться с принципиальными установками, которым стремился следовать автор, а также и с личными пристрастиями Солина.

В первой же фразе своего предисловия Солин, следуя общепринятым нормам литературного этикета, благодарит патрона за готовность выслушивать его сочинения и благосклонное отношение к занятиям латинской словесностью:

Solinus Advento salutem

(1) Cum et aurium clementia et optimarum atrium studiis praestare te ceteris sentiam idque oppido expertus de benivolentia tua nihil temere praeceperim, e re putavi examen opusculi istius tibi potissimum dare, cuius vel industria promptius suffragium vel benignitas veniam spondebat faciliorem.

Солин приветствует Адвента. Так как я знаю, что ты превзошел остальных [в умении] милостиво выслушивать и в преданности занятиям свободными науками, и я говорю это вовсе не потому, что вполне испытал [на себе] твоё доброе отношение, — так вот, я подумал, что лучше всего тебе дать взвешенную оценку этому [моему] сочинению, поскольку твоё усердие обещает самое быстрое суждение, а твоё великодушие — безобидную снисходительность¹¹.

Обращение в предисловии к какому-либо лицу или же посвящение, ставшее со временем общим местом, считалось почетным для адресата, поскольку на- всегда связывало его имя с произведением; кроме того, благосклонность к автору

⁷ Так, например, некоторые исследователи, допуская, что текст Солина послужил одним из источников для составления Херефордской карты (ок. 1290 г., см. Chekin 1999, 152–157), усматривают в Collectanea признаки картографического способа мышления.

⁸ Подробнее см. Formisano 2007, 277–284.

⁹ Моммзен предпочитал датировать компиляцию Солина периодом между 200 и 400 г., т.е. III в. (Mommisen 1895, VI–VII), Фернандес Ньето предположительно датирует текст Солина временем между 290 и 350 г. (Fernández Nieto 2001, 11–27), а Кай Бродерсен — поздним III в. (Brodersen 2014a, 8); Ричард Талберт относит время написания труда Солина к 300 г. и связывает его с датой создания Певтингеровой карты (Talbert 2010, 136).

¹⁰ Неустановленное лицо.

¹¹ Здесь и далее перевод автора, если не указано иное. Полный перевод предисловия Солина см. в приложении к статье.

какого-нибудь высокопоставленного лица могла пойти произведению только на пользу¹². Солин воспроизводит характерную для латинских предисловий условно-риторическую формулу обращения к адресату, читателю или слушателю (*captatio benevolentiae*)¹³. Автор компиляции обращается к патрону с обычной просьбой оценить его произведение, значение которого он недвусмысленно преуменьшает, употребив лексему *opusculum* («сочиненьице») и следуя топосу преувеличенной «скромности»¹⁴. Назначение этого формульного стиля состояло в том, чтобы благодаря использованию стандартных приемов (выражающих, например, условную просьбу к читателю о снисходительной оценке авторского труда) вызвать доверие и интерес адресата к произведению, а в лучшем случае — и доброжелательное отношение читателя к повествователю¹⁵.

Касаясь далее характера содержания и целей своего произведения, Солин уточняет:

(2) Liber est ad compendium praepratus, quantumque ratio passa est ita mode-rate repressus, ut nec prodiga sit in eo copia nec damnosa concinnitas. Cui si animum propius intenderis, velut fermentum cognitionis magis ei inesse quam bratteas eloquentiae deprehendes.

Книга эта подготовлена с целью сжатого изложения, насколько это позволяет разумная мера, чтобы многообразие [тем] в ней не было бы чрезмерным, а цветистость стиля не навредила бы. Внимательно читая эту книгу, ты скорее найдешь в ней стимул к познанию, чем сусальную позолоту красноречия¹⁶.

¹² Herkommer 1968, 31.

¹³ Об устойчивых риторических формулах в предисловиях латинских историков см. Janson 1964, 65–67; Herkommer 1968, 199–224; Nicolaidis 1988, 31–60; Lausberg 1990, 156–160 (§ 273–279 о четырех разновидностях риторической формулы *benevolum parage* — «добиться благосклонности»). Ср. также Curtius 1948, 233–250; Moles 1994, 141–168 (по поводу предисловия Ливия к его историческому труду — *Liv. Proem.* 2–3, 4–5).

¹⁴ Начиная со времени принципата Августа в римской литературе утвердился топика авторского самоуничижения: *mea parvitas* — «моя скромная особа» (Val. Max. *Praef.*); *mediocritas mea* — «моя заурядная особа» (Vell. II. 3. 3, ср. Gell. XIV. 2. 25); *mea petulantia* — «моя дерзость» (Plin. *NH. Praef.* 2). Использование самоуничижительных формул в латинских предисловиях II–III вв. связано, подчеркивает Янсон, с употреблением условной топики «скромности» либо в отношении личных заслуг авторов, либо в отношении их сочинений (Janson 1964, 145–146).

¹⁵ О трех функциях предисловия к речи — добиться от слушателей понимания дела, внимания и сочувствия, писал еще Цицерон в своих трактатах о риторической технике («Об ораторе», «Брут, или О знаменитых ораторах», «Оратор», «Топика», «Ораторские разделения»). Согласно приписываемому Цицерону анонимному трактату (*Rhet. ad Heren.* I. 6–8) и по мнению самого Цицерона, форма предисловия к историческим сочинениям латинских авторов была полностью регламентирована риторическими условностями: в предисловии автор должен был прежде всего добиться расположения читателя/слушателя (*conciliemus eos nobis, qui audiunt*: Cic. *De or.* II. 115) и «снискать его благосклонности» (*conciliari quam maxime ad benevolentiam*. *De or.* II. 182), прибегнув к *lenitas orationis* — «мягкости речи» (*De or.* II. 129), что в равной мере относится к «манере изложения» (*elocutio*) и к «содержанию самой речи» (*actio*); ср. Quint. III. 8. 10; IV. 1. 5; 1. 7–15; 1. 72; X. 1. 48. Подробнее см. Gasparov 1972, 7–74.

¹⁶ Ср. употребление лексемы *brattea* («тонкий золотой лепесток, слюда») в его прямом значении в поэтических выражениях других авторов: Verg. *Aen.* VI. 209 (*sic leni crepitabat brattea vento*); Lucr. IV. 727 (*obvia cum veniunt, ut aranea bratteaque auri*); Apul. *Met.* XI. 16 (*bracteis aureis vestita fulgebat*); Mart. VIII. 33. 5–6 (*derasa est... brattea*); IX. 61. 4 (*liniit Hesperium brattea viva pecus*). У Солина употребленные в переносном значении *bratteae eloquentiae* («сусальная позолота красноречия», т.е. внешние украшения) противопоставляются *fermentum cognitionis* (дословно «закваске для размышления», т.е. «стимулу к познанию»).

Солин сообщает, что отобранный им материал составлен в виде сжатого обзора или краткого руководства по этногеографии, ориентированного, по всей видимости, на дидактическую традицию. Иными словами, достоинством компиляции объявляется ее сжатое изложение; кроме того, Солин заявляет, что, с одной стороны, стремился в своем повествовании избежать сухого рассказа, с другой — избыточного пустословия¹⁷. Использование слова *moderate* («в меру») можно трактовать двояко: пожалуй, оно относится как к форме, так и к содержанию *Collectanea*.

Существительное *concinntitas* («благозвучие», «сочетание», «стройность», «цветистость»), родственное прилагательному *concinus*, нередко встречается в риторических сочинениях Цицерона (*Or.* 81; 149; 164–167; 201; *Brut.* 325) и хорошо известно авторам периода ранней Римской империи (*Sen. Ep.* 115, 2; *Suet. Aug.* 86 etc.; *Gell.* II. 26, 4)¹⁸. В данном случае понятие *concinntitas*, обозначающее искусное соединение слов или фраз и обычно используемое для характеристики литературного стиля, как и близкое ему прилагательное *concinus*, указывает на выразительность стиля и его особенности¹⁹.

Трудность заключается в том, что *concinntitas* сопровождается негативным эпитетом *damnosa*; таким образом, это выражение касается авторской оценки собственного стиля, который, если и будет отличаться некоторой вычурностью, то не уместной. Солин вовсе не отказывается, как можно было бы подумать, от использования риторической техники: стандартные фразы Солина о превосходстве полезного знания над пустым красноречием повторяют с некоторыми вариациями аналогичные высказывания Цицерона и Квинтилиана²⁰.

Как правило, римские авторы не забывают упомянуть об усердной работе над своими произведениями или продемонстрировать собственное рвение²¹. Так, к топосу «трудолюбия» могут быть отнесены слова Солина о тщательном отборе свитков для компиляции:

¹⁷ Cp. Santini 1998, 33–49. По мнению К. Сантини, словосочетание *coria prodiga* («чрезмерное многообразие», ср. *Plin. Ep.* V. 20. 4) логически противостоит выражению *damnosa concinntitas* («ненужная цветистость») придаточного предложения, в результате чего можно считать, что лексема *concinntitas* употреблена в значении *dicendi brevis* («краткость изложения»). Следует лишь уточнить, что речь идет не о «краткости» содержания или объеме произведения, но о характеристике авторского стиля, лишённого риторических «прикрас» и «завитушек» (ср. *Cic. De or.* III. 100).

¹⁸ Цицерон отмечал, что латинские авторы начали заботиться об «украшениях речи» сравнительно «недавно» (подробнее см. Gasparov 1972, 17–18).

¹⁹ Прилагательное *concinus* синонимично по смыслу *venustus* и *elegans* («привлекательный по красоте и изящно утонченный»), ср., например, *Plin. NH.* XXXV. 36. 111: *elegans ac concinns ita, ut venustate ei pauci conparentur* — «утонченный и изящный настолько, что немногие могут сравниться с ним по привлекательности».

²⁰ Cp. *Cic. De or.* I. 20: *etenim ex rerum cognitione efflorescat et redundet oportet oratio. Quae, nisi res est ab oratore percepta et cognita, inanem quondam habet elocutionem et paene puerile.* — «Речь должна расцветать и разворачиваться только на основе полного знания предмета; если же за ней не стоит содержание, усвоенное и познанное оратором, то словесное ее выражение представляется пустой и даже ребяческой болтовней» (пер. Ф.А. Петровского); *Quint.* IX. 3. 100: *Sunt qui, neglecto rerum pondere et viribus sententiarum, si vel inania verba in hos modos depravarunt summos se iudicent artifices.* — «Есть и такие [риторы], что не заботятся о важности мысли и выразительности, а лишь изменив странным образом слова, считают себя чрезвычайно искусными».

²¹ См. *Plin. NH. Praef.* 12; *Gell. Praef.* 12. Подробнее об этом: Janson 1964, 97; Ilyushechkina 2001, 78–89, особ. 86–87.

(3) Exquisitis enim aliquot voluminibus studuisse me inpendio fateor, ut et a notioribus referrem pedem et remotis largius inmorarer. Locorum commemoratio plurimum tenet, in quam partem ferme inclinatio est universa materies. Quorum commeminisse ita visum est, ut inclitos terrarum situs et insignes tractus maris, servata orbis distinctione, suo quaeque ordine redderemus.

Признаю, что я добросовестно изучил выбранные мною книги, чтобы избежать более известных [тем] и больше остановиться на не столь хорошо знакомых. Упоминание местностей [в книге] преобладает, и почти весь материал целиком отведен этому. Мне казалось правильным упомянуть их так, чтобы обозначить особо выдающиеся местности на суше и значительные прибрежные области, уделяя внимание отличиям [частей] круга земель по порядку.

Собственно, речь заходит о «библиотеке», или книжных источниках Солина, от которых зависит автор и которые, как он подчеркивает, отобраны им с особым тщанием для того, чтобы, оставив в стороне более или менее известные сведения по этногеографии, привлечь внимание читателей к малоизвестным фактам. Формулируя высказывание о предпочтительном изложении редкой или вовсе неизвестной информации, Солин употребляет стереотипные заготовки²².

Солин отмечает, что большую часть его компиляции составляет этногеографическое описание материков и водных пространств ойкумены. При этом он следует издавна заведенной традиции описывать все объекты «по порядку» (*ordine*) согласно составленному заранее плану, что рассматривается латинскими авторами в качестве важной характеристики, определяющей ценность произведения²³.

Далее Солин продолжает рассуждать о темах и сюжетах, которым наряду с «пользой» (*utilitas*) присуща еще и «занимательность» (*venustas, delectatio*), характерные для дидактического направления по распространению и популяризации знаний:

(4) Inseruimus et pleraque differentes congruentia, ut si nihil aliud, saltem varietas ipsa legentium fastidio mederetur. Inter haec hominum et aliorum animalium naturas expressimus. Addita pauca de arboribus exoticis, de extimarum gentium formis, de ritu dissono abditarum nationum, nonnulla etiam digna memoratu.

Я также включил множество других подходящих к месту вещей, чтобы само [их] разнообразие предупреждало скуку у читателей. Среди прочего я отобразил природу людей и других животных. Немного было добавлено также об экзотических деревьях, образе жизни и отличающихся обычаях народов в дальних странах, а также еще некоторые [сведения], достойные упоминания.

Памятуя о том, что повествование должно быть увлекательным и живым, Солин сообщает, что благодаря «разнообразию» (*varietas*) тем и сюжетов его произведение

²² Ср., например, аналогичный вариант той же формулы у Страбона (I. 22. С. 30): «По его [Гомера] мнению, *хорошо знакомые факты не стоит упоминать тем, кто уже знает их*» (пер. Г.А. Стратановского), — или у Авла Геллия (IX. 4. 5: «Сделал кое-какие извлечения оттуда и *отметил чудеса, почти неизвестные нашим писателям*»; курсив в обоих случаях мой. — Е.И.).

²³ Ср. *prius ordine dicam* — «тебя научу по порядку» (Verg. *Georg.* IV. 537, пер. С.В. Шервинского); Val. Max. *Praef.*: *ut breviter cognosci possint, ab inlustribus electa auctoribus digerere (sic Kempf, codd. deligere) constitui* — «разместить... в надлежащем порядке»; Dion. Per. 63: *στοιχῆδόν* — «по порядку»; Gell. XVII. 21. 1: *easque nunc excerptiones nostras variis diversisque in locis factas cursim digessimus* — «выписки... расставили по порядку» (пер. А.Г. Грушевого); Macr. *Sat.* I. *Praef.* 3: *in ordinem... convenirent* — «[чтобы все достойное упоминания] привести в порядок»; как известно, Плиний Младший опубликовал собственные письма без предварительного плана, «как они попадали под руку... не соблюдая хронологического порядка (я ведь не писал историю)» (Plin. *Ep.* I. 1. 1, пер. А.И. Доватура); ср. также: *ordo rerum fortuitum* — «произвольный порядок вещей» (Gell. *Praef.* 2).

не наскучит читателю (ср. Phaedr. 2, prol. 10: ut delectet varietas)²⁴. Среди подобных «достойных упоминания» (*digna memoratu*) тем автор называет экскурсы и пассажи парадоксографического содержания, которые — помимо того, что обеспечивают «риторизацию» текста Солина — функционально призваны доставить читателю наряду с «пользой» и «интеллектуальное удовольствие».

Занимательность, которая покрывается понятием *varietas* и выражает себя в форме описания необычных объектов этногеографии, удивительных явлений природы, анекдотов из древней истории и т.п., «новеллистична» по своим свойствам, что скорее всего и привлекало любознательных читателей²⁵. Этими специфическими интересами и вкусами к парадоксографии читатели эпохи «второй софистики» обязаны были политическим обстоятельствам, благодаря которым их вынесло на поверхность экономической жизни: в большинстве своем эти потребители дидактической литературы (сочинений по хорографии, периплов, периэз, бревиариев, стихотворных поэм на научные темы и т.п.) относились к средним слоям, обладали денежными средствами и досугом для занятий.

В следующем пассаже Солин делает программное заявление о том, что намерен «следовать по стопам старинных образцов» (*vestigia monetarum veteris*), иными словами, ориентироваться на древних авторов и их манеру повествования. Помимо риторической игры, употреблением метафорического выражения *vestigia monetarum veteris* (букв. «следовать за старинной монетой») Солин косвенно характеризует кризис III в., когда особенно назрела необходимость обращаться к корням, к авторитету древней традиции, к надежным старинным писателям²⁶:

(5) quae praetermittere incuriosum videbatur quorumque auctoritas, quod cum primis industriae tuae insinuatam velim, de scriptoribus manat receptissimis. Quid enim proprium nostrum esse possit, cum nihil omiserit antiquitatis diligentia, quod intactum ad hoc usque aevi permaneret? Quapropter quaeso, ne de praesenti tempore editionis huius fidem liberes, quoniam quidem vestigia monetarum veteris persecuti opiniones universas eligere maluimus potius quam innovare.

Полагаю, было бы легкомысленным обойти вниманием сведения, которые защищены авторитетом — и здесь я особенно уповаю на твое понимание — самых признанных писателей. Ведь чем бы мы обладали, не оставь скрупулезность древности ничего из того, что было неизменным вплоть до наших дней? Поэтому прошу тебя, не суди о достоинствах этого издания применительно к нынешним дням, поскольку заранее решив следовать по стопам старинных образцов, я предпочел избрать общепринятый круг мнений вместо того, чтобы вводить новшества.

Обращает на себя внимание, что авторская позиция не противопоставляется излагаемой информации: ссылаясь на авторитет «самых признанных писателей»

²⁴ Судя по контексту, понятие *varietas* употребляется здесь в отношении содержательной части *Collectanea* (ср., например, Nep. XIII. 4; XXV. 10); вместе с тем, нередко случаи, когда *varietas* (часто вместе с *coria* «обилие, богатство, целостность», которое синонимично *eloquentia* «красноречие») выступает в латинских текстах в качестве риторической фигуры, служащей для обозначения выразительности стиля (ср. Cic. *De or.* I. 59: *varie copioseque*; III. 98–100: *varietas*; см. подробнее Fitzgerald 2016, 47–50); см. также Gell. XII. 14. 1–7: пассаж о происхождении и значении частицы *saltem*, употребленной во фразе Солина рядом с *varietas*.

²⁵ Ср. Gell. IX. 4. 3: «Греческие книги, полные чудес и сказочных историй (*miraculorum fabularumque pleni*): вещи неслыханные и невероятные, а авторы их — древние, пользовавшиеся большим авторитетом».

²⁶ Ср. близкую по смыслу метафору с обозначением «отчеканенной по образцу монетой высокой пробы» (*moneta*), ассоциируемой с первоклассной поэзией наподобие стихотворений Вергилия или Горация (Iuven. VII. 54–55: «[Истинный] поэт... не чеканит / пошлых стихов одинаковой для всех [разменной] монетой (*communi moneta*)», пер. Д.С. Недовича). См. также Pavlock 2014, 24–31, особ. 27–28.

(scriptoribus receptissimis), используемых Солином в качестве источников своей компиляции, он возлагает на них ответственность за приводимые сведения²⁷. Следует добавить, что понятие *auctoritas* («авторитет»), касающееся в данном случае «самых признанных писателей», в республиканском Риме использовалось по отношению к наиболее влиятельным политическим деятелям, высказываниям которых общественное мнение придавало особое значение.

В тексте *Collectanea* Солин многократно ссылается на самых разных авторов, свидетельства которых он передает. Среди них упоминаются такие латинские писатели, как прежде всего Варрон — представитель антикварной традиции в Риме (помимо других, называется его произведение «О берегах»: *opere quod de litoralibus est* — XI. 7), нумидийский царь Юба, анналисты Луций Цинций Алимпент, Квинт Фабий Пиктор, Гней Геллий, широко известные Марк Порций Катон, Тит Помпоний Аттик, Корнелий Непот, Марк Туллий Цицерон, Марк Антоний Гнифон, «знаменитейший из ученых» Луций Таррунций; цитируются свидетельства Лутация Катула, предположительно автора сочинения «Поселения Истрии», а также безымянные «Пренестинские книги»; помимо всего Солин называет и чужеземных писателей: Ганнона, анонимные «Пунические книги», Зороастра. Неоднократно цитируются и греческие авторы: Аристотель, Каллимах, натурфилософ Демокрит, Ксенофонт Лемносский, Аполлонид, Сотак, военачальник Селевка и Антиоха Демодамат и многие другие. Несмотря на заверения Солина, что он предпочитает использовать лишь произведения древних авторов, в *Collectanea* есть ссылки на его ближайших предшественников — историков I—II вв. Бокха, Фабиана и Грания Лициниана.

Заявление Солина о том, что он «следует по стопам древних авторов» (*vestigia monetae veteris*), отнюдь не означает, что Солин всюду называет цитируемый им источник, что, впрочем, характерно для манеры изложения остальных античных авторов (в том числе и компиляторов). Станным образом Солин нигде не ссылается на свои основные источники — Помпония Мелу и Плиния Старшего (по мнению Моммзена, большую часть своего материала Солин заимствовал из «Естественной истории»), и, по всей видимости, упоминанию древних авторов он обязан прежде всего тексту Плиния. Трудно, однако, утверждать, пользовался ли Солин оригинальными текстами древних писателей или же ограничился пересказом этих авторов в хорографии Помпония Мелы и в энциклопедическом труде Плиния Старшего²⁸. Кроме того, Солин в этом отрывке из предисловия отдает предпочтение свидетельствам «старинных авторов», выгодно отличающихся, по его мнению, от современных. Более того, обращаясь к своему благодетелю, Солин просит Адвента судить о его произведении, основываясь на критериях художественной выразительности прошлых времен, противопоставляя оценки и представления «старины» современным ему нововведениям.

В следующей фразе Солин продолжает убеждать своих читателей в достоверности старинных источников, которые он использовал, и соответственно — в надежности свидетельств *Collectanea*:

²⁷ Ср. близкие по значению высказывания Плиния Старшего и Авла Геллия (*NH*. XIX. 72; XXVIII. 112; Gell. IX. 4. 11; X. 12. 5).

²⁸ Нельзя исключать того, что указатель цитируемых Плинием Старшим древних греческих и латинских авторов, составивший содержание первой книги «Естественной истории», был редким исключением для практики античных писателей (см. *Plin. NH*. Praef. 1—4).

(6) Ita si qua ex istis secus quam opto in animum tuum venerint, des velim infantiae meae veniam: constantia veritatis penes eos est quos secuti sumus.

Так вот, если каким-либо образом тебе придет в голову что-либо иное, нежели я хотел, тогда прости мне собственное косноязычие: неизменность истины пребывает [в произведениях] авторов, которым я следовал.

Допуская, что у патрона, которому адресовано предисловие, могут возникнуть возражения по поводу отдельных мест компиляции, Солин, следуя условной топике «скромности», умаляет собственное мастерство риторика и говорит о своем мнимом «косноязычии». Одновременно он лишний раз утверждает надежность древних источников, составивших в целом «неизменность истины».

Читаем далее:

(7) Sicut ergo qui corporum formas aemulantur, postpositis quae reliqua sunt, ante omnia effigiant modum capitis, nec prius lineas destinant in membra alia, quam ab ipsa ut ita dixerim figurarum arce auspiciam faciant inchoandi, nos quoque a capite orbis, id est ab urbe Roma principium capessemus, quamvis nihil super ea doctissimi auctores reliquerint, quod in novum praeconium possit suscitari, ac supervacuum paene sit relegere tramitem decursum tot annalibus. (8) Ne tamen prorsus dissimulata sit, originem eius quanta valemus persequemur fide.

Подобно тем, которые воспроизводят формы человеческого тела (т.е. живописцам — *Е.И.*) и, прежде чем приступить к остальным частям [тела], изображают сперва голову, позволю и мне начать [повествование] с главы мира, то есть с города Рима; хотя учнейшие мужи не оставили ничего, что еще можно было бы добавить к его прославлению и почти нет смысла ступать по пути, столь часто исхоженному в анналах. Однако чтобы вовсе уж не промолчать о нем, я приложу все свои силы, чтобы проследить за его началом.

Развернутое сравнение Солина с живописцем, работающим над картиной²⁹, должно означать, что ведущую роль в телесном каноне выполняет голова, которая обладает основной ценностью в создаваемой художественной форме, а остальные части тела носят вторичный характер. Метафорическое использование понятия тела для обозначения целостности речи (как, впрочем, и литературного произведения) восходит к платоновской мысли³⁰. Вместе с тем Солин, обыгрывая здесь разные смыслы слова *caput* («голова», «глава») с отсылкой к предшествующим текстам, связывает *caput* с политическими коннотациями. Политически актуальное клише, неоднократно встречающееся в римской литературе для обозначения величия Рима (ср. Liv. I. 16, 7: «угодно богам, чтобы мой Рим стал главой всего мира» (*caput orbis terrarum*); Luc. II. 653–654: *caput mundi*... Roma — «глава мира... Рим»; Verg. *Aen.* VI. 851–853: энкомий римлянам и Риму как столице мировой державы), сохраняется на протяжении сотен лет и используется в пропагандистских целях: Рим описывается как политический, экономический и географический центр мира.

Воспроизводя в предисловии условно-риторическую формулу, что с очевидностью вызвано внешними обстоятельствами и пропагандистскими намерениями,

²⁹ Ср. комментарий Салмазия к этому пассажи: *Linea in pictura, nihil aliud est quam penicilli ductus*. — «*Linea* [используется] в живописи: речь идет ни о чем другом, как о движении кисти» (Cl. Salmasii *Plinianae exercitationes*... 1689. Fol. 4. Col. 2 D).

³⁰ См., например, Plat. *Phaedr.* 264c: «Всякая речь должна быть составлена, словно живое существо, — у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг другу и соответствовать целому» (пер. А.Н. Егунова); ср. Plat. *Gorg.* 503e–504a; Horat. *De arte poet.* 6–9: *isti tabulae fore librum / persimilem, cuius, velut aegri somnia, vanae / finguntur species, ut nec pes nec caput uni / reddatur formae* — «точь-в-точь на такую похожа картину книга, где образы все бессвязны, как бред у больного, / и от макушки до пят ничто не сливается в цельный / облик» (пер. М.Л. Гаспарова). О развитии образа тела в западноевропейской средневековой литературе и о земном пространстве в виде человеческого тела см. Bakhtin 1965, 341–377.

Солин, чья картина мира и мировосприятие отличаются от моделей Помпония Мелы и Плиния Старшего, начинает собственное изложение с основания Рима и краткой истории становления мировой державы (I. 1–52). В тексте *Collectanea* сама географическая обширность Римской империи трактуется Солином как особое предназначение Рима в общем строе мировой жизни³¹.

Изложение истории Рима от основания города (*ab Urbe condita*) – традиция, восходящая к поколению анналистов, римских историков конца III – начала II в. до н.э., чьи произведения отличались сухостью и лаконизмом. То, что Солин пишет: «Почти нет смысла ступать по пути, столь часто исхоженному в анналах», – говорит о том, что, во-первых, он не намерен в своем повествовании слепо подражать манере анналистов и будет использовать риторические «украшения речи», а во-вторых, этногеографическое содержание его компиляции резко отличается от традиции анналистов (несмотря на то, что анналисты, послужившие источником для исторического труда Ливия, сам Ливий и, наконец, Солин начинают повествование с описания Рима)³². Задача Солина в корне отличалась от целей анналистов описывать год за годом становление Римского государства.

Подытоживая наблюдения по использованию условно-риторических формул в предисловии Солина, можно отметить, что 1) автор открыто заявляет о сжатой форме компиляции и ее этногеографическом содержании, объединяющем разрозненные сведения в соответствии с авторским замыслом; 2) ссылаясь на зависимость своего труда от выбранных «книжных» источников, по большей части принадлежащих «старинным авторам», Солин не отменяет античных авторитетов: его заботит скорее расширение читательского кругозора и пополнение знаний в области этногеографии; 3) Солин сообщает в предисловии о привлечении источников парадоксографического направления, одновременно возлагая ответственность за достоверность сведений на старинных писателей; 4) в отличие от известных нам географических сочинений Солин предваряет описание ойкумены пассажем об основании Рима и краткой историей становления мировой державы Средиземноморья.

При этом нельзя не отметить пристрастия Солина к необычному построению фраз в предисловии, использованию синонимических средств и полисемии, новых значений и их нюансов, звуковой инструментровке словосочетаний, и даже отдельных слов (уменьшительные, ассонансы, рифма и т.д.), употреблению метафорических выражений, составленных по контрастному принципу и, возможно, ради «соревновательности» (*aemulatio*) со словоупотреблением других античных авторов (к примеру, *aurium clementia* – «милостиво выслушать», *damnosa concinnitas* – «вредоносная цветистость», *bratteae eloquentiae* – «позолота красноречия», *vestigia monetarum veteris* – «следовать по стопам древних авторов», букв. «за старинной монетой», *antiquitatis diligentia* – «скрупулезность древности», *constantia veritatis* – «неизменность истины»)³³.

Еще при Августе оформилась и закрепилась идея мировой империи, ставшая инструментом идеологического и пропагандистского обоснования принципата

³¹ Ср. Romer 2014, 78.

³² Подробнее о принципиальном отличии картины мира и организации пространства у Солина в сравнении с содержанием произведений Помпония Мелы и Плиния Старшего см. Brodersen 2013, 185–201.

³³ Ср. Lakoff, Johnsen 1990, 387–415.

и легитимности верховной власти³⁴. Ко времени жизни Солина окончательно упорядочилось географическое пространство внутри политических границ империи с мировой столицей в Риме. Компильция Солина косвенным образом служила реставрации и закреплению в памяти читателей распадающегося «римского мифа», который способствовал консолидации консервативных настроений в империи.

Приложение

Солин приветствует Адвента.

(1) Поскольку я знаю, что ты превзошел остальных [в умении] милостиво выслушивать и в преданности занятиям свободными науками, — и я говорю это вовсе не потому, что вполне испытал [на себе] твое доброе отношение — так вот я подумал, что лучше всего тебе дать взвешенную оценку этому [моему] сочиненью, поскольку твое усердие обещает самое быстрое суждение, а твои великодушные — безобидную снисходительность. (2) Книга эта подготовлена с целью сжатого изложения, насколько это позволяет разумная мера, чтобы многообразие [тем] в ней не было бы чрезмерным, а цветистость стиля не навредила бы; внимательно читая эту книгу, ты скорее найдешь в ней стимул к познанию, чем сусальную позолоту красноречия. (3) Признаю, что я добросовестно изучил выбранные мною книги, чтобы избежать более известных [тем] и больше остановиться на не столь хорошо знакомых. Упоминание местностей [в книге] преобладает, и почти весь материал целиком отведен этому. Мне казалось правильным упомянуть их так, чтобы обозначить особо выдающиеся местности на суше и значительные прибрежные области, уделяя внимание отличиям [частей] круга земель по порядку. (4) Я также включил множество других подходящих к месту вещей, чтобы само [их] разнообразие предупреждало скуку у читателей. Среди прочего я отобразил природу людей и других животных. Немного было добавлено также об экзотических деревьях, образе жизни и необычных обычаях народов в дальних странах, а также еще некоторые [сведения], достойные упоминания. (5) Полагаю, было бы легкомысленным обойти вниманием сведения, которые защищены авторитетом — и здесь я особенно уповаю на твое понимание — самых признанных писателей. Ведь чем бы мы обладали, не оставь скрупулезность древности ничего из того, что было неизменным вплоть до наших дней? Поэтому прошу тебя, не суди о достоинствах этого издания применительно к нынешним дням, поскольку заранее решив следовать по стопам старинных образцов, я предпочел избрать общепринятый круг мнений вместо того, чтобы вводить новшества. (6) Так вот, если каким-либо образом тебе придет в голову что-либо иное, нежели я хотел, тогда прости мне собственное косноязычие: неизменность истины пребывает [в произведениях] авторов, которым я следовал. (7) Подобно тем, которые воспроизводят формы человеческого тела и, прежде чем приступить к остальным частям [тела], изображают сперва голову, позволь и мне начать [повествование] с главы мира, то есть с города Рима; хотя учнейшие мужи не оставили ничего, что еще можно было бы добавить к его прославлению и почти нет смысла ступать по пути, столь часто исхоженному в анналах. (8) Однако, чтобы вовсе уж не промолчать о нем, я приложу все свои силы, чтобы проследить за его началом.

Литература / References

- Bakhtin, M.M. 1965: *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [*Rabelais and His World*]. Moscow.
- Бахтин, М.М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*. М.
- Bots, H. 2018: *De Republiek der Letteren. De Europese intellectuele wereld 1500–1760*. Nijmegen.
- Brodersen, K. 2013: Vom Periplus zur Karte. Die Leistung des Gaius Julius Solinus. In: K. Geus, M. Rathmann (Hrsgg.), *Die Vermessung der Oikumene*. (Topoi: Berliner Studien der Alten Welt, 14). Berlin–Boston, 185–201.
- Brodersen, K. (Hrsg.) 2014a: *Gaius Iulius Solinus. Wunder der Welt*. Darmstadt.
- Brodersen, K. (Hrsg.) 2014b: *Solinus. New Studies*. Heidelberg.
- Brodersen, K. 2018: Barbaren bei Plinius der Älteren und seinem 'Affe' Solinus: vom Kulturbegonnenen zum geographischen Barbarenbegriff. In: J.C. Bermejo Barrera, M. García Sánchez (eds.),

³⁴ Cp. Galinski 2017, 151–167.

- Desmoi Philias. *Bonds of Friendship. Studies in Ancient History in Honour of F.J. Fernández Nieto*. Barcelona, 87–94.
- Chekin, L.S. 1999: *Kartografiya khristianskogo Srednevekov'ya VIII–XIII vv.* [Cartography of the Christian Middle Age of the 8th–13th cent.]. Moscow.
- Чекин, Л.С. *Картография христианского Средневековья VIII–XIII вв.* М.
- Curtius, E.R. 1948: *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Bern.
- Fernández Nieto, F.J. (ed.) 2001: *Solino. Colección de hechos memorables o El erudito*. Madrid.
- Fitzgerald, W. 2016: *Variety: the Life of a Roman Concept*. London–Chicago.
- Formisano, M. 2007: Towards an aesthetic paradigm of Late Antiquity. *Antiquité Tardive* 15, 277–284.
- Galinski, K. 2017: [Augustan literature and Augustan “ideology”: An ongoing reassessment]. *SHAGI [STEPS]* 3 (4), 151–167.
- Галински, К. Августовская литература и августовская «идеология»: пересмотр оценок. *ШАГИ/STEPS* 3 (4), 151–167.
- Gasparov, M.L. 1972: [Cicero and the ancient rhetoric]. In: M.L. Gasparov (ed.), *Mark Tulliy Tsitseron. Tri traktata ob oratorskom iskusstve*. Perevody s latinskogo F.A. Petrovskogo, I.P. Strel'nikovoy, M.L. Gasparova [Marcus Tullius Cicero. Three essays on the eloquence. Translation by F.A. Petrovskiy, I.P. Strel'nikova, M.L. Gasparov]. Moscow, 7–74.
- Гаспаров, М.Л. Цицерон и античная риторика. В кн.: М.Л. Гаспаров (ред.), *Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве*. Пер. с латинского Ф.А. Петровского, И.П. Стрельниковой, М.Л. Гаспарова. М., 7–74.
- Herkommer, E. 1968: *Die Topoi in der Proömien der römischen Geschichtswerke*. Diss. Univ. Tübingen.
- Ilyushechkina, E.V. 2001: [Preface to *Noctes Atticae* by Aulus Gellius]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture] X, 78–89.
- Илюшечкина, Е.В. Вступление к «Аттическим ночам» Авла Гелия. *Проблемы истории, филологии, культуры* X, 78–89.
- Janson, T. 1964: *Latin Prose Prefaces: Studies in Literary Conventions*. (Studia Latina Stockholmien-sia, 13). Stockholm–Göteborg–Uppsala.
- Lakoff, G., Johnsen, M. 1990: [Metaphors we live by]. In: N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya (eds.), *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow, 387–415.
- Лакофф, Д., Джонсон, М. 1990: Метафоры, которыми мы живем. В сб.: Н.Д. Арутюнова, М.А. Журина (ред.), *Теория метафоры*. М., 387–415.
- Lausberg, H. 1990: *Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft*. 3. Auflage. Stuttgart.
- van Miert, D.K.W. 2011: Joseph Scaliger, Claude Saumaise, Isaac Casaubon, and the Discovery of the *Palatine Anthology*. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes* 74, 241–261.
- Milham, M.E. 1986: C. Julius Solinus. In: F.E. Cranz et al. (eds.), *Catalogus translationum et commentariorum. Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries*. Vol. VI. Washington, 73–85.
- Moles, J. 1994: Livy's Preface. *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 39, 141–168.
- Mommsen, Th. (Hrsg.) 1864, 1895: *C. Julii Solini Collectanea rerum memorabilium*. 1. und 2. Aufl. Berlin.
- Nicolaidis, A. 1988: Comparative remarks on the prologues of Roman historians. *Ariadne* 4, 31–60.
- Pavlock, B. 2014: Paradox and the journey in the dedicatory Preface of Solinus' *Collectanea*. In: K. Brodersen (Hrsg.), *Solinus. New Studies*. Heidelberg, 24–31.
- Romer, F.E. 2014: Reading the myth(s) of Empire: Paradoxography and geographic writing in the *Collectanea*. In: K. Brodersen (Hrsg.), *Solinus. New Studies*. Heidelberg, 75–89.
- Santini, C. 1998: La lettera praefatoria di Giulio Solino. In: C. Santini, N. Scivoletto (eds.), *Prefazioni, prologhi, proemi di opera tecnico-scientifiche latine*. Vol. III. Roma, 33–49.
- Talbert, R.J.A. 2010: *Rome's World: The Peutinger Map Reconsidered*. Cambridge–New York.
- Walter, H. 1969: *Die "Collectanea rerum memorabilium" des C. Julius Solinus. Ihre Entstehung und die Echtheit ihrer Zweifassung*. (Hermes Einzelschriften, 22). Wiesbaden.